

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Е. М. Меркулова
Москва, Россия

E. M. Merkulova
Moscow, Russia

**СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЖЕРТВЫ
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
ВОЕННЫХ ДИСКУРСАХ**

**MEANS OF VERBALIZATION OF VICTIM IN
THE RUSSIAN AND AMERICAN DISCOURSES,
DESCRIBING WAR**

Аннотация. Одна из сторон военного конфликта представляется в дискурсе в образе Жертвы. В американском и российском дискурсах для Жертвы характерны два семантических компонента — универсальный компонент 'невинность' и 'активность'/'пассивность'. В статье прослеживается, с помощью каких знаков вербализуются эти компоненты значения, изучается сходство и различие средств языковой репрезентации Жертвы в двух дискурсах.

Abstract. A Victim is depicted through two semantic components, universal component 'innocent' and component 'active'/'passive'. The article deals with means of verbalization, and describes a typology of difference between means of verbalization in two discourses.

Ключевые слова: «Сказка о справедливой войне»; знаки политического дискурса; сопоставительная семантика.

Key words: "Fairytale of a Just war"; icons of political discourse; contrastive semantics.

Сведения об авторе: Меркулова Елизавета Максимовна, аспирант кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения.

About the author: Merkulova Elizaveta Maksimovna, Post-graduate Student of the Chair of Comparative Linguistics.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Контактная информация: 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 31/1.
e-mail: int507@yandex.ru.

Дискурс, описывающий военные события, выполняет не только информационную, но и интерпретирующую функцию: он моделирует знания о новых фактах жизни, передавая при этом восприятие войны говорящим. Интерпретирующая функция оказывает влияние на выбор медиатехнологий и на способы языкового оформления. Данная функция реализуется, в частности, посредством тех образов, которые создаются в дискурсе. Военные действия, участники конфликта описываются с помощью когнитивной модели «Сказка о справедливой войне», которая призвана морально оправдать военный конфликт. Эта модель предлагает заданный набор героев: Герой-Защитник, Жертва, Агрессор. Данные образы основаны на архетипических представлениях о должном поведении каждого агента, на системе представлений о враге, защитнике, жертве, принятой в определенном социуме. Общая схема сюжета, выделенная Дж. Лакоффом, сводится к тому, что преступление совершается Агрессором, Герою ничего не остается, кроме как пойти на войну со Злодеем. Далее возможны разные трактовки метафорического сюжета: либо Герой будет защищать сам себя, либо он будет защищать Жертву. В зависимости от этого реализуется либо сюжет о самозащите

(the Self-Defense Scenario), либо сюжет о спасении (the Rescue Scenario) [Lakoff 1991].

Эта модель неоднократно рассматривалась в рамках школы метафорического анализа [Lakoff 1991; Lakoff 2004; Lule 2004; Будаев 2007; Матыгина 2009; Чудинов 2007]. Внимание исследователей, как правило, сосредоточивалось на сферах-источниках метафор, используемых для номинации агентов сценария. Расстановка агентов на современном срезе культуры не меняется, однако конкретное развитие сценария, а также система номинаций агентов зависят от культуры и эпохи. Так, например, Герой может осмыслиться как *ковбой* или *рыцарь-христианин*, Агрессор описывается как *нацист* или *сексуальный маньяк* [Будаев 2007]. Каждая эпоха и культура описывает события сквозь призму собственных уникальных ценностей, влияющих на способы языкового оформления. В современной лингвистике представлен подробный анализ метафорического варьирования [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Kuusisto 1998; Чудинов 2003]. Однако синтаксические, морфологические способы представления сторон конфликта недостаточно изучены, также недостаточно внимания уделяется таким лексическим средствам описания войны, как гипонимия, использование абстрактных

или конкретных существительных, использование определенных лексико-семантических групп (ЛСГ). Цель данной работы состоит в выявлении способов вербализации Жертвы на лексическом и морфосинтаксическом уровнях в российском и американском дискурсах.

Формально и типологически средства вербализации сторон военного конфликта могут быть похожи: для описания их действий используются знаки, которые в типологии М. Эдельмана [Edelman 1964] относятся к конденсирующим символам, или же к политическим аффективам в терминологии Е. И. Шейгал [Шейгал 2004]. Они способны вызывать эмоции у реципиента и обеспечивать моментальную категоризацию понятия. Формально и типологическое подобие средств языкового представления в двух рассматриваемых дискурсах объясняется тем, что говорящие политические субъекты России и Америки преследуют одинаковую цель — морально оправдать военные действия, создать образ *справедливой* войны. Однако содержание знаков, приводящих к такой интерпретации, оказывается различным в зависимости от адресата сообщения. Одна из задач данной статьи — исследовать различия в средствах вербализации, способствующих реализации функции интерпретации.

Материалом исследования стали российские правительственные тексты, описывающие военные акты на территории Южной Осетии в 2008 г. При изучении американского военного дискурса был рассмотрен корпус текстов официальных лиц, описывающих события в Ираке (2003—2011) и Ливии (2011).

Сторона, на которую нападают, в текстах официальных лиц представлена как Жертва. Данная роль является изоморфной на современном этапе для модели «Сказки о справедливой войне». Эта роль обладает как универсальными семантическими характеристиками, так и культурно-специфичными. Также можно выделить универсальные и специфические языковые знаки, служащие для представления Жертвы.

В образе Жертвы доминирует идея невиновности и незащитности, реализуемая единицами различных уровней языка. Выделяются общие и различающиеся языковые знаки представления *невиновной Жертвы* в российском и американском дискурсах.

На лексическом уровне в обоих дискурсах представлены номинации, содержащие в основных или фоновых семах компонент 'невиновность': *мирное население, граждане, невиновные жители; civilians, innocent*

citizens. Функционально, формально и содержательно эти знаки в двух дискурсах совпадают.

На морфосинтаксическом уровне идея невиновности Жертвы реализуется особым рода словосочетаниями: *to save, liberate, free; защитить, спасти + Obj*. В качестве объекта выступает Жертва. Высказывания с такими словосочетаниями имеют следующую пресуппозицию: объект незащищен и невиновен. В обоих дискурсах такие словосочетания, как *защитить, save, free + Obj* (Жертву), широко распространены:

1. *Россия защитила этот маленький народ* [Viperson.ru].

2. *Те решения, которые были приняты мною как Верховным Главнокомандующим, были эффективны. И самое главное — они защитили жизни людей* [Новости Delfi].

3. *The people you liberate will witness the honorable and decent spirit of the American military* [Kdchapter] / *Люди, которых вы освобождаете, будут свидетельствовать о благородном и порядочном духе американских военных (перевод наш. — Е. М.)*.

4. *We struck regime forces approaching Benghazi to save that city and the people within it* [International Viewpoint] / *Мы нанесли удар по правительственным войскам, приближаясь к Бенгази, чтобы спасти город и народ в нем*.

Такого рода контексты в пресуппозиции имеют следующее содержание: народ не только притеснен, но и не может сам себя защитить. Сравним словосочетания с этими глаголами:

1. а) *save children, защитить детей* — б) **save military, защитить военных;*

2. а) *free children, освободить детей* — б) **free SEAL, освободить спецназ*.

Предложения части «б» верны только при том условии, что объект не в состоянии сам совершить активное действие. Поэтому употребление словосочетаний с такими глаголами, как *help, liberate, save, free, defend*, имплицитно передает информацию о незащитности, а следовательно, и о невиновности Жертвы. Функционально, формально, содержательно эти знаки совпадают в обоих дискурсах.

Одним из лексических способов выражения идеи невиновности является фрагментарное представление Жертвы посредством тех лексем, которые содержат на уровне фонового компонента сему 'слабость', 'беззащитность': *женщины, дети и старики; ребенок; child; women and children*:

1. *The lives of countless civilians—innocent men, women and children—have been saved* [Mid-day] / *Жизни многочисленного гражданского населения — невиновных мужчин,*

женщин и детей — были спасены.

2. *Россия, исполняющая миротворческую миссию в соответствии с действующими международными договоренностями, принимает адекватные меры военного и политического характера по обеспечению незамедлительного прекращения насилия, защите мирных жителей: женщин, детей и стариков, — большинство из которых — граждане Российской Федерации* [РосБизнесКонсалтинг].

Описание Жертвы построено по принципу «высвечивания» определенной группы лиц. Для изображения используются такие лексемы, которые на ассоциативном уровне соотносятся с идеей невинности. Функционально эти знаки совпадают, однако прослеживается и формально-содержательное отличие: в американском дискурсе не упоминаются *старика* в качестве представителей беззащитной, невинной Жертвы, что, видимо, обусловлено отношением к пожилым людям в США: они не воспринимаются как беззащитные и пассивные.

Наряду с универсальными знаками, выделяются знаки особого типа, которые встречаются только в американском дискурсе. Так, для выражения идеи невинности Жертвы иракский, ливийский народы описываются с обращением к близким американцам ценностям, что реализуется на лексическом уровне посредством культурно и идеологически маркированных лексем. Это в первую очередь слова с семантическим ядром 'свобода': собственно *freedom* и однокоренное *free*, слова, описывающие лишение свободы — *torture chamber, persecution*. Так, иракцы изображаются лишенными свободы с помощью таких лексем, как *prison, jail*:

1. *Saddam would have remained in power — with all that entails: More mass graves, more children in prison, and more daily depredations of the Iraqi people* [US News.com] / *Саддам останется в силе со всеми вытекающими последствиями: больше массовых могил, больше детей в тюрьмах и каждодневные грабежи иракцев.*

2. *The true monuments of Saddam Hussein's rule have been brought to light — the mass graves, the torture chambers, the jail cells for children* [The White House. President George W. Bush] / *Подлинные памятники правления Саддама Хуссейна выплыли наружу: массовые могилы, камеры пыток, тюремные клетки для детей.*

Такое описание имплицитно передает информацию об общности американцев и иракцев: американцы защищают свободу, а иракцы страдают от угнетения.

С точки зрения функциональной типоло-

гии такие знаки являются знаками интеграции [Шейгал 2004] и могут встречаться в российском дискурсе при описании стороны Защитника. Однако при совпадении функций эти знаки будут различаться по содержанию, что обусловлено адресатом сообщения: на российскую аудиторию лексемы *свобода, свободный, тюрьма, освободить* не оказывают такого прагматического эффекта, какой их английские эквиваленты — на американскую аудиторию.

Итак, были рассмотрены сходства и различия в знаках вербализации идеи *невинной Жертвы*. Однако различия наблюдаются и на семантическом уровне представления Жертвы в двух дискурсах: Жертва может изображаться как активная или пассивная. Для американского политического дискурса характерно такое изображение Жертвы, при котором она сама не проявляет активности, в то время как для российского дискурса свойственно противоположное: Жертва активна и сама принимает решения.

Основным средством языкового оформления образа «пассивного народа» являются глаголы с социально маркированным компонентом значения, которые отражают «асимметричные ролевые отношения». Такие слова обладают двумя актантами, один из которых занимает более высокое положение, чем другой [Крысин 1989]. При этом субъект, занимающий более высокое положение, выступает как активный, изъявляющий волю, а субъект, занимающий низшее положение, лишь соглашается с волей другого. К глаголам с социально маркированным компонентом значения относятся *liberate, help, make free, give strength, transform*, которые устойчиво употребляются для описания отношений иракцев и американцев. Глаголы со значением активного действия относятся к американской нации, а не к народу Ирака. Следовательно, иракцы в таких контекстах будут выступать в качестве пассивного объекта, а роль семантического субъекта отводится американцам:

1. *Secretary Donald Rumsfeld (Department of Defense): On the president's order, coalition forces began the ground war to disarm Iraq and liberate the Iraqi people* [EBSCOhost] / *Секретарь Дональд Румсфельд (Департамент безопасности): „По приказу президента коалиционные силы начали наземную операцию по разоружению Ирака и освобождению иракцев“.*

2. *I sent American troops to Iraq to make its people free... There are five steps in our plan to help Iraq achieve democracy and freedom... America's task in Iraq is not only to defeat an enemy, it is to give strength to a friend — a*

free, representative government that serves its people ... We will help you (people of Iraq — E. M.) build a peaceful and representative government [EBSCOhost] / Я послал американские танки в Ирак, чтобы освободить народ... В нашем плане пять шагов, чтобы помочь Ираку достичь демократии и свободы... Задача Америки в Ираке состоит не только в том, чтобы победить Агрессора, но и чтобы поддержать друга — дать свободное представительное правительство, которое служит своему народу... Мы поможем вам (народу Ирака — E. M.) построить мирное и представительное правительство.

3. *We are transforming a once-sick society into a hopeful place [EBSCOhost] / Мы преобразим некогда больное общество в надежное место.*

4. *My fellow citizens, at this hour, American and coalition forces are in the early stages of military operations to disarm Iraq, to free its people [Guardian] / Сограждане, в эти часы американские и коалиционные силы находятся на начальной стадии разоружения Ирака, чтобы освободить народ (Ирака — E. M.).*

В приведенных примерах иракская нация выступает не активным субъектом действия (даже после свержения режима Саддама Хусейна), а пассивным объектом, над которым совершаются действия, обозначаемые глаголами *liberate, make free, give strength, disarm, transform*.

При описании отношений иракцев и правительства Ирака также используются слова с социально маркированным компонентом значения, которые принадлежат лексико-семантической группе «Угнетение»: *oppress, torture, persecution*.

1. *Elsewhere, Middle East Watch found that the regime's mechanisms of control during 1991 and 1992 included: ...arbitrary arrests often in large numbers; surveillance; harassment and questioning of family members;... and the continued use of torture prior to and during interrogation [Human Rights Watch] / Группа, следящая за соблюдением прав человека на Среднем Востоке, зафиксировала, что механизмы контроля в 1991 и 1992 году включали произвольные аресты, часто в больших количествах; наблюдение; преследование и допрос членов семьи; длительное использование пыток до и во время допроса.*

2. *The United Nations and other international organizations had — again and again — documented Saddam's aggressions against his neighbors, tortures of the Iraqi people... [The White House. President George W. Bush] / ООН и другие международные организации*

вновь и вновь документировали агрессию Саддама против соседних стран и мучения иракского народа...

Таким образом, при характеристике народа-Жертвы в американском дискурсе используется особого рода лексика, обозначающая асимметричные отношения между актантами. Агентом является американская нация или правительство Ирака, объектом — иракцы. Лексика с маркированным социальным компонентом значения позволяет задавать ролевую структуру, ролевой сценарий, который опирается на представления о неравном положении двух социальных субъектов, о пассивном, подчиненном состоянии иракцев.

Пассивное положение стороны Жертвы имеет особый прагматический эффект: такое представление реальности передает информацию о необходимости вмешательства Защитника (США), ведь Жертва не может сама себя защитить.

Для российского военного дискурса такое представление не характерно: Жертва активна. Так, при создании образа осетинского народа важно было подчеркнуть, что он является историческим субъектом. Д. Медведев прямо сказал: *...Южная Осетия и Абхазия объявили о своем суверенитете, и Россия признала их независимость [Сайт Президента РФ]*.

При этом действия российской стороны расцениваются как признание свершившегося факта, поскольку осетинский народ сам определяет свою судьбу. Лексически это оформляется с помощью предикатов. Предикаты, обозначающие ментальное действие и активную позицию субъекта, характеризуют осетинский народ (*принять решение, высказаться*):

1. *Народы Южной Осетии и Абхазии неоднократно высказывались на референдумах в поддержку независимости своих республик [Сайт Президента РФ]*.

2. *...позиция Российской Федерации неизменна: мы поддержим любое решение, которое примут народы Южной Осетии и Абхазии, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций... [Вести.Ru]*.

Единственный глагол активного действия, который устойчиво характеризуют действия России, — это *защищать*: *Россия защитила жителей Южной Осетии*. В прочих контекстах явно указывается на активную волю осетинского народа, что не совпадает с представлением образа Жертвы в американских текстах. В американском дискурсе не говорится о том, что иракцы решили свергнуть Саддама Хусейна, они только терпят (*endure*) и переносят притеснения

(*persecution*), но не решают и не создают. В российских текстах официальных лиц образ Жертвы основан на противоположном семантическом компоненте: осетинский народ сам является субъектом истории.

Можно выдвинуть гипотезу, что такое семантическое различие в представлении Жертвы обусловлено фактором адресата. Американский политический дискурс основан на вере американцев в Америку как сверхдержаву, которая имеет право решать судьбы других стран, более слабых и пассивных. Поэтому при описании военного конфликта изображается ответственная за *весь мир* сторона — Защитник — и пассивная, слабая Жертва. В массовой российской аудитории (если не принимать во внимание отдельные группы лиц с «имперскими» настроениями) вера в сверхдержаву слаба, Защитник не несет ответственность за мир, конфликт носит локальный характер. Когда конфликт исчерпан, Защитник отходит, а Жертва сама принимает решения, поэтому Жертва слаба, но не пассивна.

Обобщим сходства и различия в представлении Жертвы. На примере способов представления идеи невиновной Жертвы, которая актуальна для обоих дискурсов, были продемонстрированы возможные различия в знаках вербализации в российском и американском дискурсах. Семантические различия, а также различия в знаках вербализации могут быть в большинстве случаев объяснены фактором адресата сообщения, различиями в культурно обусловленных коммуникативных знаниях американской и российской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3(23). С. 19—22.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком // Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. — М., 1989. URL: http://www.filologbook.ru/sintaksis/krysyn_cozialnyi_aspekt_soderganiye.html.
4. Матыгина Е. Б. Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 87—91.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
7. Edelman M. The symbolic uses of politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
8. Hiebert R. Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review // Public

Relations Review. 2003. Vol. 29, № 3. P. 243—255.

9. Kennedy V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15, № 4. P. 253—265.

10. Kuusisto R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action // Journal of Peace Research. 1998. Vol. 35. P. 603—620.

11. Lakoff G. Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. — Vermont : Chelsea Green Publishing, 2004.

12. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // VietNam Generation Journal & Newsletter. 1991. URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html.

13. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. 2004. Vol. 5, № 2. P. 179—190.

ИСТОЧНИКИ

14. *Воспоминания* Верховного Главнокомандующего России о ночи агрессии // Viperson.ru. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=580311&soch=1> (дата обращения: 20.03.2012).

15. *Выступление* на встрече с представителями предпринимательского сообщества. // Сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/выступления/1401> (дата обращения: 18.03.2012).

16. *Д. Медведев*: Россия в Осетии исполняет миротворческую миссию // РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://top.rbc.ru/politics/08/08/2008/217634.shtml> (дата обращения: 22.03.2012).

17. *Медведев* лично принимал решения в августе 2008-го // Новости Delfi. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/medvedev-lichno-prinimal-resheniya-v-avguste-2008-go.d?id=25000693> (дата обращения: 19.03.2012).

18. *Пресс-конференция* по итогам встречи с Президентом Франции Николя Саркози. // Сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф/выступления/1330> (дата обращения: 19.03.2012).

19. *Россия* признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Полный текст выступления Дмитрия Медведева // Вести. Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=204043&cid=1> (дата обращения: 10.03.2012).

20. *Barack Obama's* Libya Speech and the Tasks of Anti-Imperialists. — International viewpoint // International Viewpoint. URL: <http://www.internationalviewpoint.org/spip.php?article2062> (дата обращения: 16.03.2012).

21. *Bush G.* 5 Step Plan for Democracy in Iraq Nation // EBSCOhost Online Research Databases. URL: <http://www.ebscohost.com/>, лицензионный. (дата обращения: 16.03.2012).

22. *George Bush's* address on the start of war // Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2003/mar/20/iraq.georgebush> (дата обращения: 10.03.2012).

23. *IRAQ*: Background on Human Rights Conditions, 1984—1992 // Human Rights Watch. URL: <http://www.hrw.org/reports/1993/iraq/> (дата обращения: 18.03.2012).

24. *Libya* mission saved lives of countless civilians:

Obama // Mid-day. URL: <http://www.mid-day.com/news/2011/mar/270311-libya-mission-barack-obama-muammar-gaddafi.htm> (дата обращения: 18.03.2012).

25. *Progress* in Afghanistan and Iraq. // The White House. President George W. Bush. URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/07.01.03.html> (дата обращения: 15.03.2012).

26. *Rice* C. Dr. Condoleezza Rice Discusses Iraq in Chicago // The White House. President George W. Bush. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031008-4.html> (дата обращения: 17.03.2012).

27. *Sam Gardiner's* . Truth from These Podia: Sum-

mary of a Study of Strategic Influence, Perception Management, Strategic Information Warfare and Strategic Psychological Operations in Gulf II // US News.com. URL: www.usnews.com/usnews/politics/whispers/documents/truth.pdf (дата обращения: 20.03.2012).

28. *War in Iraq*. — 2000—2009 Challenges and Change // Kdchapter. URL: <http://kdchapter.wikispaces.com/War+in+Iraq> (дата обращения: 14.02.2012).

29. *We have Greatness... in our Future* // EBSCOhost Online Research Databases. URL: <http://www.ebscohost.com/>, лицензионный (дата обращения: 18.03.2012).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова